

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги А. С. Байетт

в издательстве

«Азбука-Аттикус»:

Обладать

Детская книга

Ангелы и насекомые

Чудеса и фантазии

Призраки и художники

А. С. БАЙЕТТ

Триэски
и
художники

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 18

A. S. Byatt
SUGAR AND OTHER STORIES
Copyright © A. S. Byatt 1987
THE MATISSE STORIES
Copyright © A. S. Byatt 1993
All rights reserved

Перевод с английского
Степана Бранда, Дмитрия Бузаджи, Ольги Варшавер,
Ирины Зубановой, Ольги Исаевой, Матвея Межуева, Ольги Петровой,
Анны Псурцевой, Дмитрия Псурцева, Марии Талачёвой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. В. Бранд, перевод, 2017
© Д. М. Бузаджи, перевод, 2017
© О. А. Варшавер, перевод, 2017
© И. В. Зубанова, перевод, 2017
© О. Н. Исаева, перевод, 2017
© М. А. Межуев, перевод, 2017
© О. В. Петрова, перевод, 2017
© А. Д. Псурцева, перевод, 2017
© Д. В. Псурцев, перевод, 2017
© М. И. Талачёва, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-11577-4

Содержание

САХАРНОЕ ДЕЛО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Расин и вышитая скатерть. <i>Перевод И. Зубановой</i>	9
Розовые чашки. <i>Перевод И. Зубановой</i>	48
Июльский призрак. <i>Перевод О. Петровой</i>	55
Ближняя комната. <i>Перевод М. Талачёвой</i>	74
Сушеная ведьма. <i>Перевод О. Исаевой</i>	106
Потеряла лицо. <i>Перевод О. Петровой</i>	132
В день смерти Э. М. Форстера. <i>Перевод Д. Бузаджи</i>	153
Подменьш. <i>Перевод А. Псурцевой</i>	175
Разлито в воздухе. <i>Перевод С. Бранда</i>	194
«В оправе пропасти...». <i>Перевод Д. Псурцева</i>	222
Сахарное дело. <i>Перевод О. Исаевой</i>	263

ИСТОРИИ С МАТИССОМ

Щиколотки Медузы. <i>Перевод О. Варшавер</i>	301
Художники. <i>Перевод М. Межуева</i>	318
Китайский омар. <i>Перевод О. Варшавер</i>	358

САХАРНОЕ ДЕЛО
и другие рассказы

Посвящается Майклу Уртону

Расин и вышитая скатерть

Когда же ей стало ясно, что Марта Крайтон-Уокер — ее антагонист? Эмили нашла это слово для нее гораздо позже, уже когда стала взрослой. Как может ребенок, маленький и робкий, осознавать, что кто-то другой ему именно антагонист? Представить себе злую мачеху или завистливую сестру она еще могла, но антагонист, то есть кто-то, кто противостоит тебе в принципе, отрицает самую твою суть? Нет, она была слишком мала и еще не имела продуманных убеждений. А ведь именно мисс Крайтон-Уокер была призвана вылепить пока бесформенную личность юной Эмили Брей. Можно даже предположить, что мысли, которые зарождались в голове Эмили Брей, внушались ей Мартой Крайтон-Уокер, и отчасти это было именно так; и от этого признать ее антагонистом оказывалось особенно трудно, во всяком случае для Эмили, а возможно, и для них обеих.

В первый раз Эмили пригляделась к мисс Крайтон-Уокер, когда только попала в эту школу, в первый же вечер. Мисс Крайтон-Уокер собрала весь класс в своей личной гостиной, у очага, при свете огня в камине и керосиновых ламп. Эмили была единственная новенькая: она пришла в школу в середине года, по семейным обстоятельствам (болезнь родственника). Девочкам в классе было по тринадцать лет. Девочек было двадцать восемь, а вместе с Эмили двадцать девять, только Эмили

не сразу поняла, почему это важно. Этот вечер у камина мисс Крайтон-Уокер устроила из-за смерти одной из девочек. Та училась в этом классе до прошлого семестра, а потом у нее случился гнойный аппендицит, и она умерла от перитонита во время операции. Умершую девочку звали Джен, но все называли ее Ходжи. «Слышали про Ходжи?» — говорили девочки, подбегая друг к другу поделиться новостью, и в голосе у них звучал одновременно и страх, и какая-то радость, непоколебимая уверенность в собственном бессмертии. Эмили не повезло: она чувствовала, будто она пришла на замену Ходжи, хотя это было совсем не так.

Мисс Крайтон-Уокер раздала всем девочкам по кружке бледного какао и по булочке с сахарной глазурью и велела усесться на ковре вокруг себя. Она тихо заговорила об их общей подруге Ходжи, о том, что они все должны запомнить ее такой, какая та была: полная жизни, готовая поделиться всем с друзьями, веселая. Она понимает: они все потрясены этой потерей, но если когда-нибудь потом им захочется делиться с ней своими тревогами или сожалениями, то она охотно их выслушает. Странное слово «сожаления», кажется, подумала Эмили. Хотя она, пожалуй, уже была согласна с заведомой уверенностью мисс Марты Крайтон-Уокер, что у девочек непременно обнаружатся сожаления. Тринадцатилетние девочки добротой не отличаются, а когда их много, они бывают и жестокими. Так что, какой бы веселостью и жизнерадостностью ни отличалась покойная Ходжи, без сожалений не обойдется.

Мисс Крайтон-Уокер решила рассказать девочкам сказку. Получилась такая мирная сцена: рассказчица в кругу юных лиц, обращенных на нее или опущенных к полу. Эмили Брей сидела и разглядывала мисс Крайтон-Уокер. Безупречно доброжелательная, безгрудая. Туго закрученные серебристые локоны, больше всего похожие на парик адвоката, обрамляют приятное лицо; кожа на лице мягкая, но нигде не обвисшая; выражение неизменно ласковое. Глаза большие и голубые-голубые, уголки

губ не опущенные, а совершенно прямые и ровные. К ним сбегаются тонкие морщинки, но без бороздок или вмятин, а легко и почти незаметно, как наброшенная сеточка для волос. Одета в тот вечер мисс Крайтон-Уокер была в свое обычное платье из гладкой тонкой шерсти с длинными узкими рукавами, с кокеткой в мелкую складочку и круглым отложным белым воротничком, заколотым простой овальной серебряной брошкой. Лицом и фигурой она была неуловимо похожа на девушку — не кокетливую, не насупленную, не грациозную, а просто девушку — и одновременно на опрятную старушку.

Сказка была аллегорическая. Про личинку ручейника, которая обитала на дне пруда и старательно собирала материал для постройки своего нехитрого домика-трубочки: камешки, веточки, травинки — что попало, лишь бы прикрыть свое мягкое безобразное личиночье тельце. Движения ее были нескладные и мучительные, мир вокруг — темный и промозглый. И вот однажды она почувствовала непреодолимое желание вылезти из воды наружу. С болью и усилием длинная, мягкая, бесформенная личинка выкарабкалась из ненужного уже домика и, трепеща и колыхаясь, поползла вверх по высокому стеблю камыша. Когда она выползла на свет и воздух, ее кожица высохла и затвердела, а потом вдруг лопнула — это было очень больно! — и оттуда вылезло существо, рожденное для света и полета, с радужными крылышками и молниеносными движениями.

Мисс Крайтон-Уокер явно наслаждалась своей сказкой, построенной на контрастах. Эмили Брей никак не могла понять — она вообще была в этом смысле непонятливая, это было ее недостатком, — что думают и чувствуют другие девочки. Сама она потом всегда, если думала об умершей Ходжи, воображала ее бесформенной личинкой. Слушая сказку, Эмили представляла себе других девочек маленькими, хотя на самом деле это она была среди них самая маленькая, хилая и худая как спичка. Девочки сидели на полу в пижамах и халатиках, умытые на ночь и мешковатые. Потом, в дортуаре, они будут возбужденно

переговариваться, делиться своими мнениями и чувствами, тыкать друг в друга пальцами, упрямо закидывать головы. А здесь они казались притихшими и кроткими. «Мы с вами провели вместе такой уютный вечер, — сказала мисс Крайтон-Уокер. — Это очень хорошо». Эмили Брей поняла, что в комнате среди девочек двое — посторонние. Одна — она сама, не разделяющая настроение остальных. Другая — мисс Крайтон-Уокер, которая так хочет, чтобы их всех объединило это событие.

По средам и воскресеньям все ученицы школы ходили пешком в центр города на службу в соборе. По средам служба была только для них и для мальчиков из такой же мужской школы: причастие и заутреня. По воскресеньям они становились частью — немалой частью — прихожан на общей службе. Идти до центра города, по его узким улочкам, надо было по особым правилам: хоть и не строем, как обычно ходят организованные группы школьников, но непременно строго по двое, и никак не больше. Когда-то, давным-давно, три легкомысленные девочки так веселились, да, наверное, и толкались, что сбили с ног старушку около аптеки. Старушка упала и поломала свои хрупкие косточки, а девочек отчитали в полиции. Вот и было сделано разумное распоряжение: идти по городу парами. Поэтому каждой девочке было очень важно иметь пару для походов в город, то есть иметь подругу. В этом возрасте девочки выбирают подруг легко и просто — по крайней мере, так казалось Эмили, у которой не было подруги со времени учебы в начальной школе, то есть с тех пор, как проявились ее нежелательные особенности. Но из-за этих походов в город дружба обросла церемониями и ритуалами; все сразу видели, кто с кем дружит и кто с кем раздружился. Эмили вскоре поняла, что в классе есть и «болото»: девочки, у которых нет постоянных пар, — они сходятся по две как попало, не держатся друг за дружку, а, наоборот, поглядывают вполглаза, не подвернется ли вариант получше, если вдруг кто-то с кем-то расстанется. Сначала Эмили думала, что ее место будет среди таких. Она не питала иллюзий,

что ее будут любить в классе, и хотела всего лишь существовать тихо и незаметно, но подозревала, что остаться незаметной ей не дадут. Когда объявят результаты годовых экзаменов, всем станет всё про нее ясно. А пока что до нее дошло, какой смысл таится в числе девочек в классе: двадцать девять. Как ни подбирай пары, всегда останется одна лишняя, самая последняя, та, которую все отвергли, как проигравшая в игре, где надо успеть занять стул, когда перестает играть музыка. И этой лишней всегда будет Эмили Брей.

Казалось бы, взрослые, мудрые наставницы должны были сами понять, что получится, если девочек двадцать девять, — или Эмили могла бы им об этом сказать, напомнить, если уж они сами не понимают. Но как вам наверняка известно, в закрытой школе какие-то вещи объяснить очень трудно, и поэтому неудивительно, что Эмили ни разу не удалось оправдаться, когда ее время от времени отчитывали за то, что она идет с кем-то третьей. (Ходить по улице в одиночку было настолько серьезным нарушением правил, что об этом и подумать было нельзя.) Среды и воскресенья стали для Эмили самыми страшными днями. Каждый раз во вторник и в субботу ей приходилось мучительно пересиливать себя и с показным безразличием проситься к кому-то в пару.

А когда стали приходиться с проверки результаты годовых контрольных работ, то, как и опасалась Эмили, дела пошли еще хуже. Раз за разом с возмутительной легкостью Эмили Брей получала самые высокие баллы из всех в классе, и не по отдельным предметам, а почти по всем, за исключением математики и домоводства. То есть за письменную работу по домоводству она тоже получила высший балл, но практическое рукоделие ее подвело. Оказалось, она просто жутко умная. При этом физически неразвитая, совсем неспортивная. И с ней бесполезно разговаривать про мальчиков, или про то, у кого какая *schwärmerei*¹,

¹ Страсть, обожание (нем.).

или про умопомрачительные туфли, или про интриги в клубе верховой езды. Другие девочки смотрели на нее и видели счеты с костяшками, заключенными в тесную рамку: чик-чик, костяшки налево — костяшки направо, задачку решила, правило запомнила, урок выучила, сочинение написала. Так, по крайней мере, представляла мнение о себе одноклассниц сама Эмили. Она с самого начала понимала, что любить ее не будут, и ее и правда невзлюбили. Не то чтобы не любили всех умных. Например, была в классе такая Флора Марш: спокойно-красивая, высокая, стройная, спортивная, приятная, скромная. Она мечтала выйти замуж, родить шестерых детей и жить в провинции. У Флоры была своя лошадь и была подруга Кэтрин для походов в церковь, они дружили с пятилетнего возраста. Почерк у Флоры был ровный и круглый, завитки ложились на бумагу щедрой синей лентой с аккуратными пробелами. А Эмили Брей писала, скорчившись над листом бумаги и тыча в него перышком ручки. То есть все слова написаны без ошибок, но как-то грязно, с кляксами и помарками, строчки кривые и смазанные, буквы неровные, бесформенные. Когда Эмили заканчивала второй год учебы в этой школе, мисс Крайтон-Уокер выступила перед ними с небольшой речью, посвященной их контрольным. «Я взяла себе за правило, — сказала она перед всем классом, — прочитывать контрольные работы той ученицы, которая получает самый высокий балл. В этом году, как вы все знаете, это Эмили Брей, но я возвращаю их непрочитанными из-за невыносимого злобного почерка». И вообще, такие контрольные, грязные и неопрятные, — это просто позор. Впрочем, если Эмили перепишет всё начисто, то она с удовольствием их прочтет.

Этот свой приговор мисс Крайтон-Уокер, как и всегда, произнесла с легкой улыбкой — улыбкой не презрительной и не извиняющейся, но довольной и даже восхищенной. Чем она восхищалась: тем, как точно выразилась? Чем была довольна: тем, как умно вонзила ядовитый шип? По недостатку жизненного опыта Эмили этим вопросом не задавалась, но улыбку запо-

мнила точно, запомнила крепко, чтобы когда-нибудь потом, когда станет старше и сильнее, припомнить ее мисс Крайтон-Уокер. Маленькая Эмили еще не знала, что взрослая Эмили внесет эту улыбку в общий счет при подведении окончательных итогов; тем более не знала она, какая цена будет назначена за эту улыбку. Сейчас ей казалось, что она может просто не согласиться с этим приговором. Ну и что, что контрольная с пометками? В школе, может, и думают, что грязь в тетради — это важно, а она, Эмили, так не считает. Она выбрала такую же защиту, как коралловый полип актиния, который прячет свои щупальца, выставляя наружу только мышечную стенку и туго захлопнутое отверстие. Но нужно признать (сменив метафору), что приговор этот тяжелым камнем упал на самое дно ее души да так там и остался.

Эмили отметила про себя это слово: «злобный», точно так же, как она раньше отметила слово «сожаления». Она вспомнила, как писала эти торопливые, неряшливые страницы: сочинение о том, почему медлит Гамлет, и разбор образа Эммы Вудхаус у Джейн Остин. Она писала с удовольствием. Она писала для придуманного ею идеального Читателя. И прекрасно понимала: что-то ей удастся, а что-то нет, об одном она судит слишком поверхностно, а другое, наоборот, вдруг понимает глубоко и ясно. Если бы она позволила себе задуматься хотя бы на десять минут, она бы поняла, что никакого такого Читателя вовсе нет — есть только учительница литературы мисс Харвей, а за мисс Харвей стоит мисс Крайтон-Уокер. Но она не позволяла себе задуматься об этом и на десять минут. Если настоящий Читатель не существует, его нужно выдумать — и она его выдумала. И именно «его»: может быть, она представляла его себе не слишком отчетливо, но не сомневалась, что это «он». В женском заведении, где справедливость и правосудие воплощались в фигуре мисс Крайтон-Уокер, доброжелательным и беспристрастным можно было вообразить себе только мужчину. Эмили никак не связывала своего Читателя с теми богами,

которым они ходили молиться в собор по воскресеньям. Бог-Судия, Бог-Друг и летучий Бог-Дух водили знакомство с мисс Крайтон-Уокер, и поклоняться им полагалось, пытаясь довести себя до экстаза во время вечерней молитвы в школе, при помощи музыки, и резного камня, и величавых слов, и чувствительных вздохов хора. Эмили не могла взять в толк, почему нужно верить именно в этот миф, а не в Аполлона, или в Одина, или в Будду, или в Митру. Почему считается, что именно такая вера приближает к истине? Она не осознавала, что у нее уже есть вера: вера в Читателя. Становясь старше, Эмили представляла его все отчетливее, все точнее понимала его свойства. Он обладал умом сухим и ясным, был всеведущ, но без ненужной беспредельности. Он знал свое место и не пытался заполнить собой все пространство. У него не было лица, обнимающих рук или бьющегося сердца; его природа была не Любовь, но Понимание. Когда он являлся ей, среди чернильных капель, в запахе мела и испачканных пальцев, он приносил с собой воздух дальних стран, дыхание разогретого солнцем песка, возбуждающее и чистое, жаркое, но не обжигающее. Можно с полным правом сказать, что Эмили сумела пережить бесконечные годы своего пребывания в этом месте только потому, что ей удалось сохранить веру в своего Читателя.

Начисто переписывать свои экзаменационные работы для мисс Крайтон-Уокер Эмили не стала. Вряд ли от нее этого и ждали, решила она: все, что мисс Крайтон-Уокер хотела сказать по поводу этих работ, уже сказано. Может быть, в этом Эмили была несправедлива по отношению к мисс Крайтон-Уокер, хотя, скорее всего, она рассудила правильно. В конце концов, мисс Крайтон-Уокер заботили вопросы морали, а не «Гамлет» или «Эмма».

Эмили было пятнадцать, когда она придумала, что делать с еженедельными походами в церковь. В городе сохранились многие черты Средневековья, в том числе длинные отрезки городской стены, которая когда-то окружала его кольцом. Стена

была из медово-желтого камня; по верху, между двумя рядами зубцов, лежала просторная дорожка, по которой могли бы рядом идти двое. Со стены можно было разглядывать дворик, примыкающий к собору, и кривые узкие улочки старого города, а с другой стороны было видно, как вдали город, закончившись, переходит в простирающуюся до горизонта долину. Эмили обнаружила, что если при выходе из церкви сразу повернуть назад, за угол, а потом нырнуть под стрельчатую арку прохода и подняться по ступенькам, то можно быстрым шагом пройти почти все расстояние до школы по стене, обогнав вереницу девочек, идущих парами по улицам, и спуститься на землю только в самом конце, а там пробежать переулком оставшиеся несколько сотен метров до ворот школьного сада, окруженного своей отдельной стеной с чем-то вроде колючей проволоки сверху. Тот, кому не приходилось годами жить в закрытом учреждении, не может даже представить, как отчаянно нуждается в уединении человек, если он постоянно, день и ночь, находится на людях, если есть, мыться, учиться, спать, даже ходить в туалет (много ли прикрывают тонкие перегородки на металлических стойках?) приходится в присутствии других. Кто-то заметил, что женщины переживают тюремное заключение с себе подобными тяжелее, потому что они по природе своей существа не коллективные. Вот об этом и думала Эмили в короткие желанные минуты одиночества, украдкой пробираясь по высокой городской стене между школой и церковью. Но она почему-то полагала, что побыть одной хочется только ей, а другие — те другие, от давящего присутствия которых она стремилась укрыться, — такой потребности не испытывают. Только много позже она поняла, что наверняка и они хотели того же, что у каждой из девочек тоже были свои собственные заботы, свои секреты, свои желания, о которых невозможно сказать вслух. Вообще, Эмили о многом успела передумать, торопливо пробегая по стене: о французской грамматике и об Евклиде, о том, что где-то далеко и отдельно от нее на свете живут мужчины, о том, зачем живет на свете она сама.

Постепенно она осмелела и стала пользоваться своим тайным маршрутом постоянно. Где-то на половине пути из трещины стены пробивался куст вербы, — видимо, ветер когда-то занес туда семечко и оно проросло. Эмили навещала вербу каждую неделю: сначала на ветках были тугие красноватые чешуйки, потом они лопнули и из-под них появились серебристо-серые шелковые почки, похожие на блестящий влажный мех, а еще неделю спустя распустились сережки, растопырившиеся, но мягкие, присыпанные ярко-желтым в голубизне. Однажды Эмили стояла и разглядывала эти живые фонарики, как вдруг перед ней возникла мисс Крайтон-Уокер, а рядом с нею еще одна фигура, такая же суровая и непреклонная. Видимо, они обе поднялись по одной из боковых лестниц, которые начинались у подножия стены, где полоса травы сейчас пестрела нарциссами и крокусами. Эмили запомнилось, что они не просто подошли, но выросли как из-под земли. На мисс Крайтон-Уокер было серое драповое пальто с темно-серым каракулевым воротником, отливающим металлическим блеском, и высокая шапка в таких же серебристых каракулевых завитках. Пальто двубортное, с двумя рядами пуговиц на груди, перчатки серые лайковые, высокие, туго зашнурованные ботинки на устойчивых низких каблуках. Мисс Крайтон-Уокер постояла секунду неподвижно, глядя на Эмили и ее цветущую вербу. Вернее, как точно запомнила Эмили, они обе молча стояли, уставившись друг на друга. Потом мисс Крайтон-Уокер подняла руку и указала своей спутнице на что-то поверх стены, возможно на какое-то особенно интересное облако (кто была ее спутница, Эмили совершенно не запомнила), и обе женщины прошли мимо нее, по-прежнему не проронив ни звука. Эмили даже подумала, что ей все это почудилось, и, торопясь вернуться в школу, она спрашивала себя: может, ничего и не было?

Но оно, конечно, было. В конце дня, на вечерней молитве, мисс Крайтон-Уокер объявила перед всей школой: Эмили Брей на следующий день после обеда должна явиться к ней в каби-

нет, — то есть Эмили пришлось всю ночь и еще полдня волноваться, что ей теперь скажут и что сделают. Официально считалось, что в этой школе учениц не наказывают. Не заставляют писать бесконечные прописи, или оставаться в классе после уроков, или мыть пол в туалете. И все-таки все девочки — и не только Эмили Брей — пуше огня боялись провиниться перед мисс Крайтон-Уокер. Она так на тебя посмотрит, что почувствуешь себя последним червяком. И за что? За то, что у тебя в баночке жидкий мед, а не густой, как полагается, за то, что ты пробежала через теннисный корт в ботинках, за то, что улыбалась мальчикам. А уж что будет, если кто-то что-то украдет, или спишет на контрольной, или станет издеваться над младшими, — этого никто себе и представить не мог, да и не пытался. Они ведь ничего такого и не делают. Они, вообще-то, хорошие. Просто мисс Крайтон-Уокер имеет право их судить, и это самое страшное наказание.

Эмили стояла перед мисс Крайтон-Уокер в ее кабинете. Между ними на столе в серебряной вазе желтел букет весенних цветов. Мисс Крайтон-Уокер в тяжелом кресле с высокой спинкой сидела маленькая и очень прямая. Что ты делала на стене? — спросила она. Мне не с кем вместе ходить в церковь, поэтому я и хожу так, ответила Эмили. Она еще хотела добавить: девочки моих лет, которые учатся в обычных школах и живут дома, ходят по городу днем и это никого не удивляет, что тут такого? — но не сказала больше ничего. Ты самоуверенная и неблагодарная девочка, заявила мисс Крайтон-Уокер. За то время, что ты здесь учишься, ты даже не попыталась по-настоящему стать членом класса. Видимо, ты считаешь, что весь мир существует исключительно для твоего удовольствия. Ты противопоставляешь себя остальным людям. Ты морально порочная. Вот и еще одно слово, вдобавок к остальным, подумала Эмили: «сожаления», «злобность», а теперь еще и «порочная». Так она потом и рассказала Флоре Марш, которая спросила ее, что было

в кабинете: Мисс Крайтон-Уокер сказала, что я морально порочная. Не может быть! — не поверила Флора. Еще как может, сказала Эмили. Она и правда так про меня думает.

Можно, конечно, сомневаться, действительно ли мисс Крайтон-Уокер произнесла это слово: «порочная». Правда ли она вот так и сказала это своим серебристым невесомым голосом о стеснительной девочке, которая хотела всего лишь пройти по городу одна, среди белого дня, просто чтобы посмотреть на вербу и подумать о чем-то своем? Может быть, Эмили сама выдумала это слово, чтобы потом похвастаться перед Флорой Марш? Но раз это пришло Эмили в голову, то, видимо, это слово, да и чувство, во время разговора в кабинете витало в воздухе. Нет сомнения, что для мисс Крайтон-Уокер желание Эмили побыть одной представлялось чем-то нездоровым, злонамеренным, порочным. И вот какой она нашла выход: в ближайшие четыре недели она, мисс Крайтон-Уокер, будет лично ходить от церкви до школы вместе с Эмили Брей. Причем всем своим видом она показывала, что ей это так же неприятно, как и самой Эмили. Это будет наказание для них обеих.

О чем они могли разговаривать, идя вместе по городу? Нескладная получилась пара: одна еле волочит ноги и не поднимает глаз, другая выступает сдержанно и ровно. Эмили разговоров не затевала: не ее это дело, да и как ни заговори, все будет только хуже (и здесь она, пожалуй, рассудила верно). Мисс Крайтон-Уокер, наверное, могла бы воспользоваться случаем и вызвать Эмили на откровенность, узнать, что у нее на уме, нравится ли ей в школе. Она даже что-то такое иногда говорила, но как бы пересиливая себя, и голос у нее при этом звучал натужно и глухо, будто такой разговор давался ей нелегко. По большей части их моцион все четыре недели происходил в обоюдном молчании: мисс Крайтон-Уокер ритмично отстукивает по тротуару каблуками, как заключенный, которомулагается вышагивать заданное число кругов по тюремному двору, а Эмили старается только не отстать. Но иногда у мисс Край-

тон-Уокер вырывались отдельные реплики, и не тем сдавленным принужденным шепотом, которым она пыталась говорить по душам, а голосом ясным и резким. Эти замечания касались внешнего вида Эмили, который вызывал у нее (и я настаиваю на этом слове, очевидном для меня и для Эмили, хотя и признаю, что оно не было произнесено самой Мартой Крайтон-Уокер) — вызывал у нее отвращение. «Эмили, вот уже вторую неделю подряд у тебя грязная шея. На ней серая полоса, как на краю немытой ванны». «У тебя очень нечистая кожа лица, Эмили. Обратись к медсестре, она даст тебе что-нибудь от угревой сыпи. Очевидно, у тебя повышенная активность сальных желез в области носа, или же ты уделяешь совершенно недостаточное внимание уходу за собой. Ты пробовала специальное мыло от прыщей?» «Эмили, какие у тебя жирные волосы. Страшно подумать, как выглядит изнутри твоя шляпа». «Ну-ка, покажи руки. Никогда не могла понять, как это людям не противно грызть ногти, — какое гадкое и бессмысленное занятие. Я гляжу, у тебя пальцы насквозь пропитаны чернилами, как у некоторых бывают в несмываемых пятнах никотина. Даже не знаю, что неприятнее. Кажется, я теперь понимаю, почему у тебя такие грязные тетради: ты же вся просто купаешься в чернилах, это просто поразительно. Сделай милость, прежде чем мы в следующий раз пойдем в церковь, купи себе пемзу и лимон и отчисти пальцы. Да, и вот еще: попроси на кухне нож и отскобли присохшую грязь с каблучков ботинок. Если ты думаешь, что, замазав ее гуталином, ты от нее избавишься и никто не заметит, то ты ошибаешься. Так еще больше видно, что ты ленивая и неопрятная».

И ведь не то чтобы эти замечания делались совсем без повода. Но неужели об этом нужно было говорить так много, так подробно, так изобретательно? Эмили казалось, что этот маленький носик обнюхивает подмышки ее заношенных маечек и пятна на нижнем белье. Она ждала мисс Крайтон-Уокер у дверей ее кабинета, чтобы в очередной раз идти вместе в церковь, и чувствовала, как от волнения пот начинает течь у нее по спине

под драповым пальто и дальше, вниз, по фильдекосовым чулкам, — а вдруг мисс Крайтон-Уокер учует этот запах ее страха? Тело же самой мисс Крайтон-Уокер, казалось, никаких естественных запахов не издавало; так — легкий аромат лаванды и совсем чуть-чуть нафталина.

Мисс Крайтон-Уокер заговаривала с Эмили о ее родственниках. Собственно говоря, родственники Эмили отношения к этой истории не имеют, хотя, наверное, вам интересно про них что-то услышать. По меньшей мере чтобы знать, встанут ли они в этом противостоянии на сторону мисс Крайтон-Уокер — или они смогут хоть что-то противопоставить ее моральному давлению. Эмили Брей училась на стипендию, по программе господдержки. Ее семья жила в Поттерис — районе гончарных мастерских, и в семье было пятеро детей. Отец Эмили был бригадиром рабочих, которые в большой печи обжигали посуду: чайные чашки в ландышах, суповые тарелки со строгим золотым ободком из кинжальных шипов, ядовито-зеленых фарфоровых собачек с разинутым ртом, в которых держат зубные щетки или резинки. Мать до замужества работала учительницей младших классов. Она училась в Хомертонском женском педагогическом колледже в Кембридже, и там у нее появилась мечта, чтобы ее дети учились в Кембриджском университете. Эмили была самой старшей из детей, а второй ребенок, Мартин, родился дауном. Мать решила, что Мартин — заслуженное наказание за ее гордыню, и любила его самоотверженно, больше других детей. На троих младших она почти не обращала внимания. Эмили относилась к их возне и писку примерно с той же брезгливостью, какую мисс Крайтон-Уокер испытывала к ней, а может быть, и ко всем девочкам. Собственно, из всего этого важны только две вещи: постоянное чувство вины, которое Эмили унаследовала от матери, с ее недолговечными мечтами о лучшем будущем для своих детей, и то, что в семье был Мартин.

Про Мартина мисс Крайтон-Уокер, конечно, знала. Отчасти из-за него Эмили и дали стипендию: семья, нуждающаяся

в социальной поддержке. У школы была квота на прием девочек из таких семей, даже без учета успеваемости. И если уж мисс Крайтон-Уокер готова была заводить с Эмили разговор, то именно о Мартине. Расскажи мне, пожалуйста, о своих братьях и сестрах, начала она как-то, и Эмили перечислила: Мартину тринадцать лет, Лорне десять, Гарет восемь, Аманде пять. Ты, наверное, скучаешь по ним, спросила мисс Крайтон-Уокер, а Эмили ответила: да нет, не очень, она же бывает дома на каникулах, младшие очень шумные, мешают заниматься. Но ведь ты же любишь их, не отставала мисс Крайтон-Уокер, и голос у нее перехватывало от стремления говорить по душам, ты же, наверное, переживаешь, что ты для них уже как бы немного чужая? Эмили действительно чувствовала себя чужой в шумной и тесной семейной кухне, но больше тревожило и смущало ее отчуждение матери, которая думала только о Мартине. Впрочем, Эмили догадывалась (и совершенно правильно), что мисс Крайтон-Уокер имеет в виду совсем другое: что она ощущает себя отделенной от своей семьи учебой в престижной школе, что винит себя за то, что не помогает маме. Эмили рассказала, как она научила сестренку Аманду читать, буквально за две недели, и услышала от мисс Крайтон-Уокер: я замечаю, что ты не упоминаешь о Мартине. Тебе неловко о нем говорить, ты его стыдишься? Тебе ни в коем случае не следует стыдиться болезни твоего брата, сказала мисс Крайтон-Уокер (которая стыдилась, видя у Эмили чернила на пальцах или грязь на ботинках), нельзя стыдиться своих родных. Я его люблю, сказала Эмили. Она и правда его любила, качала на руках и пела ему песенки, когда он был маленький, терпела, когда он рылся в вещах на ее половине комнаты, чертил каракули в ее тетрадах, топил в ванне ее книжки. Она вспомнила, как он медленно и благодушно улыбается и подмигивает. Мы все его любим, сказала она. Тебе не следует его стыдиться, снова сказала мисс Крайтон-Уокер.

Бывало, мисс Крайтон-Уокер ненадолго отбрасывала свою строгость. В школьном распорядке случались особые дни, когда она выступала в традиционной роли, — например, каждый

год на Хеллоуин она рассказывала ученицам историю про привидения. Все собирались в школьной столовой, среди голых стен, где в двух сотнях пустотелых тыкв, прорезанных в виде ухмыляющихся голов, горели две сотни свечей. Накануне девочки часами сидели и вырезали тыквы — сначала они потихоньку жевали кусочки сладкой мякоти, потом уже смотреть на нее не могли. И после этого во всей школе много дней пахло, как в коровнике: запах подгоревшей тыквы, опаленной свечами во время страшного рассказа, смешивался с терпким запахом сырых тыквенных корок.

Час перед рассказом был отведен на ежегодный карнавал: в простынях или вязаных паучьих сетях, с нетопырьми крыльями за спиной или с бумажными косточками скелета на трико, девочкам разрешалось с громкими криками побегать по темному саду. Историю мисс Крайтон-Уокер рассказывала неправдоподобную: про встречу призрака коровы и римского центуриона в священной роще, посреди которой стояли роскошные старинные качели. Из истории следовало, что всякий, кто встретит призрака белой коровы, исчезнет, как исчез в свое время центурион; хотя он-то исчез не до конца, и среди деревьев рощи можно и по сию пору уловить следы его присутствия: блик от шлема, шорох подола кожаной рубахи под доспехом. Когда мисс Крайтон-Уокер в очередной раз рассказывала эту историю — которой, честно сказать, недоставало увлекательности и отчетливой кульминации, — по залу пробегал смешок. Девочки давно придумали, что мисс Крайтон-Уокер по ночам тайком качается на этих качелях посреди рощи в полной наготе. Эмили сама слышала, как мисс Крайтон-Уокер заявила группе учениц, что она перед сном любит посидеть у себя в комнате на коврике перед камином совершенно без одежды. Очень приятно чувствовать, как твою кожу обвевает воздух, говорила она, блаженно сложив руки домиком. Это естественно и приятно. Эмили не знала, на чем основана коллективная фантазия о том, что мисс Крайтон-Уокер по ночам нагишом качается на качелях в саду, — может быть, она когда-то сказала девочкам, что ей бы

Байетт А. С.

Б 18 Призраки и художники : рассказы / А. С. Байетт ; пер. с англ. С. Бранда, Д. Бузаджи, О. Варшавер и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 384 с. — (Большой роман).
ISBN 978-5-389-11577-4

От автора удостоенного Букеровской премии романа «Обладать», а также «Детской книги» и «Ангелов и насекомых» — второй том полного собрания короткой прозы, своего рода продолжение «Чудес и фантазий», два авторских сборника под одной обложкой. В этих рассказах — «при всей своей кажущейся простоте удивительно многослойных и даже аллегоричных» (*Vogue*) — «дышит тайна, живет страсть, пульсирует древняя магия» (*Marie Claire*). В «Призраках и художниках» кавалерственная дама ордена Британской империи исследует хрупкие связи между поколениями, бездонную пропасть утраты и те ухищрения, на которые мы готовы пойти, чтобы с этой утратой совладать...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

А. С. БАЙЕТТ

ПРИЗРАКИ И ХУДОЖНИКИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редакторы Виктор Ланчиков, Дмитрий Псурцев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Елена Терскова, Ирина Киселева

Подписано в печать 27.06.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YBRM1960401R